

К 33

КЕЦАЙ КЕККЕТЫН

ЭВНЫТО-ПАСТУХ

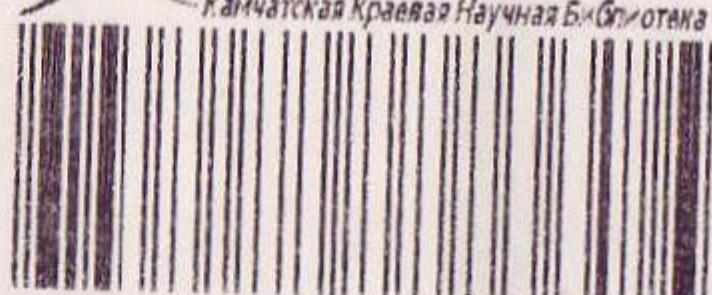
К 33

КЕЦАЙ КЕККЕТЫН

ЭВНЫТО-ПАСТУХ

ПЕРЕВОД С КОРЯКСКОГО
С. СТЕБНИЦКОГО И В. ДУДИНЦЕВА

Камчатская Краевая Научная Библиотека

%00161113

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1976

С(Сиб)
К33

КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
И.Н.В. № 432400

Кеккетын К.

К33 Эвныто-пастух. Перевод с коряк. С. Стебницкого и В. Дудинцева.

32 с.

Повесть первого корякского писателя Кецая Кеккетына «Эвныто-пастух» во многом автобиографична. Как и все писатели старшего поколения, начавшие литературную деятельность в 30-х годах, Кеккетын осмысливает действительность через биографию лирического героя. В этой повести автор рассказывает, как батрак Эвныто победил богача Чачоля. Русские красноармейцы, олицетворяющие собой революцию, помогли Эвныто взглянуть на окружающий мир по-новому. Эвныто начал понимать, что с богачами нужно бороться. Возвращаясь из города после обучения на курсах, бывший батрак поет радостную песню победы.

В наивности этого повествования нетрудно видеть отражение того времени, когда авторы еще только начинали свою гражданскую жизнь. Взаимодействие и взаимовлияние культур находилось тогда еще в начальной стадии. Понятно, что в этих условиях зачинателям новых литератур приходилось опираться на старые народные традиции, на устное творчество.

К 70303—226
М—105(03)76 без объяв.

С(Сиб)

Кецай Кеккетын

ЭВНЫТО-ПАСТУХ

Редактор Е. Н. Имбовиц. Художник В. С. Комаров. Художественный редактор Е. Ф. Николаева. Технический редактор О. Ю. Цишевская. Корректор М. С. Никитина. Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подп. в печать 17/VI-76 г. Формат бум. 70×108^{1/32}. Физ. печ. л. 1,0. Усл. печ. л. 1,40. Уч.-изд. л. 1,32. Изд. инд. ЛН-17. Тираж 50 000 экз. Цена 5 коп. Бум. № 2 типогр. Заказ № 1232. Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15. Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

1

У Чачоля было огромное стадо — издали казалось, что это кедровая чаща стронулась с места и движется по тундре, и имел он десять работников.

Среди них был пастух по имени Эвныто, который работал за двоих. И все же хозяин постоянно его ругал, как и других пастухов.

Только сядут пастухи утром пить чай, не успеет Эвныто глоток сделать, а Чачоль уже кричит:

— Эвныто, скорее чай пей! В стадо, в стадо пора!

Эвныто бросает чай, берет аркан и зовет лучшего своего друга:

— Эвъява! Пошли за оленями!

Так было и в этот день. Друзья шли вместе, о погоде говорили, о новостях.

Перед пастухами вдали показались горы, покрытые снегом. Сначала вылезли две вершины, словно два человека встали пастухам навстречу, а потом поднялся и весь Чичилян, похожий на конское седло.

— Чичилян... Священная гора. Когда еще попадем туда... Надо бы жертву принести,— сказал Эвныто.— Табаком или еще чем...

— Да, да, жертву часто надо приносить,— поддакнул Эвъява.— Здоровье будет хорошее.

— А я давно уже ничего туда не носил,— вздохнул Эвныто.

И оба пастуха надолго замолчали.

— Йик! Правее Чичиляна попадаются горные бараны,— заговорил снова Эвъява.

Эвныто махнул рукой.

— Горный баран в это время тощий, как сухой кедр.

Вдруг из распадка выскоцил молодой олений бычок. Пастухи остановились и закричали на разные голоса.

— А-а-а!

На их зов стали подходить олени. Хорошо отъевшиеся, они охотно шли на человеческий голос.

— Сколько ни видал я оленей, а таких не встречал. Жирные, как лахтаки,— заметил Эвныто.

— Это верно,— кивнул Эвъява.

Когда пастухи пригнали стадо в стойбище, из яранги

вышел Чачоль с арканом в руках. Он долго выискивал оленя пожирнее. Наконец крикнул:

— Ловите вот этого быка.

Эвныто бросился в середину стада и погнал быка к Эвъяве, и тот сразу заарканил оленя.

— Олена, олена убивают! — закричала чья-то девочка, еще носящая маку¹.

Женщины вышли с ножами наготове. Одежда у них была черная от грязи и сала, на лицах пестрела татуировка.

Следом за ними из яранги вышла жена Чачоля: в двойной кухлянке, в торбасах, обшитых бусами. Бусы и подвески играли на ней, как сосульки на яранге весной.

Сама она не свежевала оленя — руки не хотела пачкать, а только следила за тем, чтобы женщины не съели почки и легкие.

Когда олена освежевали, хозяин сказал пастухам:

— А теперь гоните стадо обратно в тундру!

Когда пастухи возвратились, Чачоль уже уплетал костный мозг. Он старался вовсю и при этом ни на кого не смотрел — чтобы не попросили. Облизав руки, он сказал Эвныто:

— Отправляйся за дровами. А когда вернешься, жирного поедим.

«Акко! Ничего себе! — подумал Эвныто.— Хозяин совсем не дает отдохнуть. Сам ест лучшие куски, сосет из костей мозг, носит все самое теплое и красивое, а работаем одни мы. Справедливо это? Ездовой олень и тот нуждается в отдыхе, а я все же человек... Эх, хоть бы раз в жизни вдоволь поесть жирного мяса! И потом поспать несколько дней и ночей подряд!»

¹ Мака — клапан, набитый мохом, подвязывается к прорезанным сзади штанишкам ребенка.

И отправился Эвныто в кедровник, откуда всегда возил дрова. Стал валить толстый сухостой, чтобы теплее было в яранге. Вскоре он так сильно разогрелся, что от его обнаженной головы пошел пар. «Ну, довольно, пожалуй», — решил Эвныто. Сильно нагруженную нарту едва притащил к дому. А дома жена уже поесть собирает. «Жирного поедим!» — вспомнил Эвныто и обрадовался.

Начал есть, а в миске ни одного жирного куска! Обиделся Эвныто. Вот ведь скупец какой этот Чачоль! Зачем зря обещает? Но сказать что-нибудь вслух Эвныто побоялся. Чего доброго хозяин нажалуется Серебряным погонам¹ — беды не оберешься.

Ночевали Эвныто и Эвъява опять в стаде. Эвныто проснулся от холода. Обошел стадо — не подкрались ли к оленям волки? Потом снова лег спать. Так попеременно с Эвъявой они обходили стадо всю ночь.

А на рассвете какой сон! — захоркали телята, матерей принялись разыскивать. Только когда совсем рассвело, Эвныто и Эвъява отправились домой.

Вот как работал Эвныто — круглые сутки!

2

Прошел месяц.

Эвъява с Эвныто все время находились при стаде, ни разу не ночевали дома. Однажды они пришли в стойбище в полдень. Все обитатели яранги сгрудились вокруг огня и грели руки: стоял сильный мороз. Чачоль и его жена сидели среди них, как две сороки в вороньей стае, слетевшейся на падаль. Пастухи тоже подошли к огню.

— Амто! Привет! Стадо как? — спросил Чачоль.

— В порядке, — ответил Эвныто.

¹ Серебряные погоны — исправник.

— Не нападали волки?

— Было. Один чуть не задрал оленя. Отогнали.

— Очень хорошо.

Донесся лай собак. И тотчас у огня никого не осталось. Все выскочили из яранги. Приехал гость Чачоля — торговец из Тигиля.

— Здорово! — крикнул тигилец, соскакивая с нагруженной нарты.

— Торова! — крикнули в ответ жители стойбища.

Тигилец подошел к Чачолю и сунул ему в руку бутылку.

Все вернулись в ярангу. Чачоль поспешно скрылся в закутке между пологами, и вскоре оттуда потянуло водочным духом. Повеселевший Чачоль вышел из закутка и позвал тигильца к чаю. Женщины быстро положили чайную доску и расставили чашки. Тигилец достал хлеб, началось чаепитие.

Гость сидел с хозяином в обнимку. Опьяневший хозяин что-то шептал ему на ухо, а тигилец все время кивал головой и говорил:

— Н-да-а... хорошо... Так... Так...

Эвныто знал: Чачоль обещает тигильцу соболей. «Сам хоть бы когда-нибудь пособолевал», — со злостью подумал о хозяине.

Когда допили чай, Чачоль крикнул чужим, пьяным голосом:

— Подгоните стадо и убейте трех самых жирных быков моему другу!

3

А на другой день на рассвете Чачоль сказал:

— Эвныто, чай небось пить любишь? Отправляйся соболей промышлять.

Собрался Эвныто на соболиный промысел. Хозяин убил ему на еду самого худого теленка, а в упряжку левым велел поставить больного, слабого оленя. А дорога до соболиных сопок далекая.

Четверо суток провел Эвныто в соболином урочище, но ничего там не добыл. Тогда он решил отправиться на Кыгынчай — место, издавна знаменитое соболями. Рассставил он капканы, а когда на следующий день пошел их проверять, то опять ничего не обнаружил. И только на третий день попались в капканы соболя. К своему становищу возвратился Эвныто с двумя соболями. Шкурок он с них не снял, только заморозил. «Наверно, если месяц пробуду здесь, много соболей возьму», — решил он.

На следующий день Эвныто поднялся рано. Пока он разжигал костер, снегопад прекратился, и установилась ясная тихая погода. Быстро прихватив ружье, Эвныто направился в самую чащу. Поначалу ему повезло — он сразу же увидел соболиный след. Несколько часов бежал охотник по этому следу, и вдруг след оборвался... Уставший Эвныто закинул голову вверх, оглядел деревья, и ему показалось, что на самой верхушке березы сидит черный соболь. Эвныто прицелился и выстрелил.

Он был меткий стрелок. Соболь упал и сразу же потонул в мягким снегу. Эвныто бросился раскапывать снег вокруг березы. И когда уже стало темнеть, нашел то, что принял за соболя, — это была древесная губка.

Уставший Эвныто еле добрался до своего становища, не стал ничего есть, только чаю попил и сразу же заснул.

Проснулся Эвныто на рассвете. Быстро развел огонь, наполнил котелок снегом и бросил туда кусочек юколы. Быстро проглотив свой скучный завтрак, он опять отправился за соболем.

Целый месяц ходил Эвныто по лесу, а лес словно вымер. Изредка попадались куропатки. И соболятник с ра-

достью бросал их в котелок: запасы-то давно кончились. Ни мяса, ни кручинки для супа не осталось.

«Эх, — банил себя Эвныто, — надо было сразу возвращаться домой. Ну, ладно, еще разок переночую».

Однажды пошел смотреть капканы и нашел в них одного соболя. Эвныто обрадовался: «Ого, все-таки еще один попался! Теперь хоть можно вернуться домой. Жена обрадуется. Ох, отвык я за это время и от еды и от чая с сахаром».

На другой день Эвныто отправился домой. Пришел, а все уже спят, одна жена его встретила.

— Мэй!¹ Наконец-то! — воскликнула она, увидев мужа.

Почаевали, спать легли. Жена жаловалась:

— Когда ты ушел, приехали тигильские. Чачоль им оленей убил. В уплату много дали. А утром стали мы чеавать, хозяева достали всего, хлеб сами едят, а мне — ничего.

Утром вернулся из стада Эвъява.

— Здорово! Как удача?

— Трех соболей убил!

А из полога показался сердитый, заспанный Чачоль и проворчал:

— Лучше бы не ходил ты. Разве это добыча?

4

Через несколько дней, когда соболи шкурки совсем высохли, Чачоль распорядился об отъезде в Тигиль.

Эвныто подогнал стадо, поймал ездовых оленей, заряг их и повез Чачоля в село.

В селе Чачоль показал на большой, красиво покрашенный дом и похвастался Эвныто:

¹ Мэй! — приветствие.

— Вот куда я хожу в гости!

Эвныто, впервые попавший в такой большой и богатый дом, с интересом и восхищением смотрел на стол, накрытый красивой материей, и стены, увешанные фотографиями.

Чачоля встретили очень радушно, усадили его за стол, поставили перед ним бутылку с водкой и тарелку с едой, а для Эвныто принесли ящик, который придинули к стенке у двери, дали ему кусок хлеба и чашку чаю.

Эвныто присел на ящик и стал слушать, как, постепенно хмелая, Чачоль стал хвастаться присутствующим привезенными соболями.

— А где мой самый лучший друг? — не видя хозяина, спросил уже совсем пьяный Чачоль.

— В лавке он, торгует еще,— ответила жена хозяина,— подожди, скоро придет.

— Нет, хватит ждать,— решил Чачоль.— Эвныто, пошли в торговую ярангу.

Взяв мешок с соболями и поддерживая пьяного хозяина, Эвныто молча повиновался.

Войдя в лавку, Чачоль бросился обнимать торговца. Но тот, быстро прервав пьяные излияния радости своего гостя, протянул руку к мешку с соболями. Затем он долго и придирчиво рассматривал меха: то дул на них, то встряхивал, недовольно покачивая головой. А Чачоль, тяжело привалившись на прилавок, тупо наблюдал за торговцем.

Немного погодя торговец нехотя вытащил несколько бутылок водки, мешок с мукой, чашки, ножи и сказал:

— Вот тебе плата за соболей.

Но Чачоль был настолько пьян, что уже не реагировал.

Эвныто обвязал покупки ремнем, отнес их в дом тор-

говца. Затем вернулся за хозяином, который уже с трудом держался на ногах, притащил его и уложил на кровать. А сам лег около дверей.

Когда они приехали в стойбище, их тяжело нагруженную нарту обступили все жители яранги.

— Вот теперь хорошо почаюем!

Но весь груз Чачоль унес к себе в полог. Позднее, когда сели пить чай, Чачоль наделил всех маленькими кусочками хлеба и сахара и дал попробовать водки.

А сам снова сильно напился и стал ругать своих работников:

— Не будь меня, вы давно бы стали оседлыми. И оленей всех сожрали бы. Потому что вы лодыри и неповоротливые, как старые бабы. Работайте и старайтесь. И не ворчите понапрасну, что я плохой хозяин. Особенно ты, Эвныто. Не забывайте, что я пожалел вас — при себе стал держать.

Но никто не стал слушать Чачоля. А Эвныто пожаловался своему другу Эвъяве:

— Хоть бы половину плитки чаю дал мне хозяин за добытых соболей. Так и в прошлом году было. Я напропалышлял лисиц, а он отобрал шкурки и купил на них водку...

5

А на другое утро налетел ветер и разыгралась страшная пурга. Эвныто с Эвъявой заторопились к оленям.

Опухший от водки, Чачоль с трудом выбрался из яранги и закричал им в догонку:

— В гору, на склон гоните стадо!

— Не надо бы в пургу гнать стадо на склон. Уйдут олени в горы — вот тогда будет худо,— запричитал Эвныто.

— А если погоним в другое место, хозяин скажет: зачем своевольничаешь,— возразил Эвъява.

Но Эвныто вернулся к яранге, позвал хозяина:

— Чачоль! Неладно будет со стадом в горах. Лучше бы в другое место отогнать.

— Куда уйдет стадо? Разве олени безголовые и нет у них разума? — со смехом сказал Чачоль.— Гоните туда, куда я приказал.

Пастухам ничего не оставалось, как гнать стадо в гору. Временами они окликали друг друга, чтобы убедиться, что не потерялись.

— Эвъява! — кричит Эвныто. Но никто ему уже не отвечает. Эвныто оглядывается. И в это время сильный ветер толкает его в бок. Он падает, и его моментально заметает снегом, сильный холод проникает сквозь худую одежду, сковывает тело. «Надо скорее подниматься,— думает Эвныто.— Еще немного, и я не встану».

С трудом встав на ноги, Эвныто снова бросается за стадом. «Распроклятое стадо! Куда ты ушло?»

Всмотревшись в крутящийся снег, Эвныто видит впереди какие-то пятна, похожие на оленей. Теперь бы не отстать, догнать их! Однако где же товарищ? Надо бы его искать, да нельзя! Потеряются олени, хозяин с обоих шкуру сдерет. «А-ка-ка-ка!» — кричит Эвныто. Это он зовет Эвъяву. Но в ответ слышится только вой ветра.

Догнав ближайшего оленя, Эвныто в сердцах кричит на него:

— Иик! Дряной оленишка! Друг мой пропадает, а тебе хоть бы что!

Вдруг олень поворачивается к Эвныто человеческим лицом и радостно говорит:

— Ты? Эвныто?

Это Эвъява!

— Давай-ка вернемся домой,— предлагает Эвныто.—

В этой проклятой темноте оленей все равно не сбить. Только потеряем друг друга. Ветер так и валит с ног.

И выбившиеся из сил пастухи повернули обратно к стойбищу.

Когда стало смеркаться, пастухи поняли, что они забились с пути.

— Наверное, мы на самой вершине стоим,— сказал Эвъява.— Уж очень сильно здесь пуржит.

— Оленей нам все равно не найти,— ответил Эвныто.— Да и сами мы можем отсюда скатиться, шею сломаем.

— Может, заночуем здесь? — предложил Эвъява.

Не успели они окопаться, как вдруг их оглушил грехот.

— Это лавина! — закричал Эвныто.— Бежим!

Но в этой снежной каше пастухи смогли сделать только несколько шагов.

— Нет, мы сейчас не сумеем отсюда выбраться,— безнадежно бросил Эвъява.

— Да,— согласился Эвныто,— лучше ляжем в снег.

Обессиленные борьбой со стихией, они вернулись на старое место. Но как только они легли в снег, обеспокоенный Эвныто сказал:

— А вдруг все олени погибли?

Но Эвъява не ответил ему — он уже спал.

Эвныто закрыл глаза, но думы не давали ему спать. Если стадо действительно пропало, достанется ему от Чачоля. Такого Чачоль не простит. А может, стадо не пропало? Ведь они же уцелели...

Пастухи проснулись еще до рассвета. Ветер уже стихал, и они стали спускаться с горы и вдруг одновременно остановились: из-под снега, как сухой кедровник, торчали оленьи рога. И чуть дальше на белом склоне горы чернели замерзшие трупы оленей, виднелись из-под снега

копыта, рога, клочья шерсти. Эвныто попробовал считать. Погибло около трех десятков оленей. Это не так много. Могло быть хуже.

— Смотри, кто идет... — толкнул его Эвъява.

Тяжелой походкой пробудившегося с похмелья человека к ним направлялся Чачоль. Увидев погибших оленей, он еще издали стал кричать на пастухов:

— Какой безголовый дурак велел вам сюда гнать стадо?! Почему в пургу обратно не погнали оленей?! Эх, не взял я ружье, а то прострелил бы вам ноги, чтобы вы ползали по снегу и сдохли худой смертью! Вот я пожалуюсь на вас Серебряным погонам! Он вам покажет, как губить оленей!!!

6

Однажды рано утром, во время чаепития, хозяин поднял свое потное лицо от чайной доски, заваленной хлебом, сахаром и конфетами.

— Эй, стадо пригоните! Мы с Эвныто в Тигиль поедем.

Подогнали стадо. Эвныто запряг оленей и вместе с хозяином отправился в Тигиль. Чачоль дорогой молчал. Лишь когда подъехали к месту, где привязывали оленей, он пробормотал, не глядя на Эвныто:

— Сейчас поедем к Серебряным погонам.

«Пугает», — подумал Эвныто.

Но Чачоль действительно шел к дому, где жил исправник. «Вот проклятый! Жаловаться, должно, на меня будет. Молчать надо, чтобы поменьше ругались», — подумал Эвныто.

Когда они вошли в комнату, исправник сидел за столом и писал. Перед ним стоял стакан чаю. Серебряные погоны долго не смотрел на вошедших. Наконец под-

нял голову и сказал что-то на непонятном Эвныто языке.

Потом Чачоль подошел к столу и подержался за руку с исправником.

А Эвныто стоял около двери, смотрел в пол и думал: «Что же теперь будет?»

Исправник и Чачоль о чем-то поговорили, взяли чистый лист бумаги, перо и пошли в другую комнату.

Долго они пробыли в другой комнате, когда появились, Серебряные погоны стал что-то сердито говорить, но Эвныто ничего не понял. Он только почувствовал себя нехорошо, как будто сразу сильно заболел.

Как только Серебряные погоны кончил говорить, Эвныто впервые поднял голову. Чачоль сидел за столом. Там уже появилась бутылка водки, чай, сахар, и Чачоль, как маленький ребенок, тянул чай из блюдца. Серебряные погоны что-то сказал Чачолю. Тот сразу поставил на стол блюдце и обратился к Эвныто:

— Эй, ты! Послушай, что тебе говорит начальник. Ты стал слишком упрям, как будто ты сам хозяин! Если бы давеча ты меня послушался, олени не пропали бы. Начальник сказал, раз ты виноват в гибели оленей, отныне будешь всегда при мне. Будешь жить у меня, работать на меня. Какого зверя ни убьешь — все будет мое. А если ты будешь непослушен, тебе будет совсем плохо. Думаю, придется в темном доме тебе посидеть тогда.

Эвныто молчал. Он снова смотрел на деревянный пол.

Тогда Чачоль вскочил со стула, топнул ногой и зарорал:

— Эй! Хочешь ты при мне постоянно работать? Будешь зверя убитого отдавать?

— Да, — тихо ответил Эвныто, а про себя подумал: «Вот какие люди бывают — своим богатством бедняков притесняют».

Ночевать Эвныто пошел к своему другу. Они познако-

мились, когда этот человек приезжал к Чачолью за мясом. Чачоль не только не дал мяса, но даже собак его не накормил. А Эвныто дал ему юколы для собак. С тех пор они и подружились.

— Привет! Как живешь? — спросил друг.

Эвныто рассказал о своей беде.

— Ты говорил что-нибудь? — спросил друг.

— Нет. Боялся, — ответил Эвныто.

— Хорошо сделал, что не говорил, — ответил друг, — еще хуже бы тебе было. Не так давно в Тигиле было у нас — хозяин нажаловался начальнику на работника. Выслушал начальник и спросил работника: «Что ты скажешь?» А тот возьми да и скажи: «Врун этот хозяин». Взяли работника и в темный дом посадили. Пришлось ему три месяца там просидеть. Очень хорошо, что ты ничего не говорил, а то не миновать бы тебе темного дома.

Напившись чаю, Эвныто один уехал в стойбище.

Ночью приехал Чачоль. На этот раз никто не вышел его встречать. Пришлось его жене самой вылезать из теплого полога и кипятить чай.

7

Подходила весна. Эвныто давно уже ушел на лыжах промышлять медведей. Но хотя он целыми днями был в тайге, пока ничего не добыл.

Подойдя к сопке, поросшей кедровником, он вспомнил, что как раз здесь когда-то убил медведя-самца. Должно быть, и на этот раз здесь залег какой-нибудь зверь. Эвныто стал обходить сопку. «Эх, собаку бы мне, был бы я с медведем», — подумал он.

Настал полдень. Снег начал рыхлеть. «Наверно, крепко спят медведи в такую теплынь», — подумал Эвныто, и тут же совсем близко что-то зашевелилось в кедровнике. Эвныто прицелился, а медведь бросился в чащу леса и

исчез. Но Эвныто знал: зверь залез в кедровник, чтобы подстеречь охотника, как только тот подойдет поближе. И Эвныто стал медленно подкрадываться к зверю. Как только медведь шевельнулся, Эвныто уложил его метким выстрелом.

Эвныто кончил свежевать медведя, когда совсем стемнело. Прихватив медвежью ногу, Эвныто направился в стойбище, где у яранги дожидалась обеспокоенная его долгим отсутствием жена.

— Хик! — радостно вскрикнула она. — Мой муж идет с добычей!

И все, кто уже спал, высыпали из яранги. Женщины с котелками и чайниками побежали за водой. Не дожидались утра, разожгли огонь, стали варить жирную медвежатину.

8

Когда наступили теплые дни, Чачоль объявил:

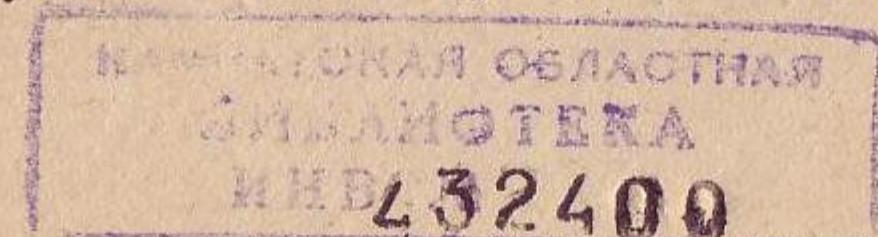
— Начнем кочевать.

Все быстро собрали свои пожитки и тронулись. Недалеко от летовья Чачоль приказал остановиться:

— Здесь будем резать прутья. Подойдет время к рыбному промыслу, тогда и перекочуем в летовье.

Начали готовить рыбную снасть. Эвныто, Эвъява и двое других работников заготавливали прутья для запора, для морд, поплавки к неводу.

Но вот все готово, — оленей нагрузили вершами, запорами и другой рыболовной снастью и отправились. До летовья добрались быстро. На другой же день Чачоль убил нескольких оленей, чтобы не голодать в ожидании рыбы. Как всегда, жирные куски оставил себе, а семьям пастухов отдал то, что похуже. Пастухи откочевали дальше со стадом. Старшим у них был теперь Йолтыгыйнын. Эвныто Чачоль не пустил — оставил у себя на летовье.

— Упрям. Учить его буду,— сказал он.

Вскоре начали ставить запоры и морды — уже пошла первая кумжа. Каждый день из морд вынимали столько рыбы, что ее хватало всем.

А через полмесяца и горбуша пошла. В морды набивалось так много рыбы, что половина дохла. В несколько дней юкольники были заполнены заготовленной впрок рыбой.

Увидев сплошь обвешанные юколой вешала, Чачоль приказал:

— Сходи, Эвныто, за тальником, чтобы в юкольниках недостатка не было.

Эвныто сразу же принялся делать новые вешала.

Наконец, пошла кета. Теперь даже женщины дома не бывали: весь день работали на берегу. Ребятишки лакомились рыбьими головами.

Эвныто не знал отдыха ни днем ни ночью. Он едва успевал опорожнять морды.

— Ну, теперь до следующей весны запаслись,— радовалась жена Эвныто.— Сыты будем!

Эвныто тоже был рад богатой добыче: не надо будет унижаться перед Чачолем из-за тощего дохлого оленя. Своя рыба есть! И вдруг словно кто-то схватил за сердце и сжал — Эвныто вспомнил угрозы Серебряных погон.

9

— Завтра осенний месяц покажется,— сказала жена Эвныто, когда укладывались спать.

— Два месяца уже прошло, как откочевали пастухи, и неизвестно еще, в какой день придут,— ответил со вздохом муж.

Что-то зашумело на дворе. Эвныто вышел из яранги и тотчас увидел Йолтыгыйнына — старшего пастуха.

— Амто! — крикнул Эвныто.— Привет.

— Э! — ответил Йолтыгыйнын.

— Откуда?

— С Вэтэ-реки.

Йолтыгыйнын принес сырого мяса. Истосковавшиеся по оленине летовщики принялись лакомиться мясом, а Эвныто пошел к верше, принес сырых рыбьих голов и угостили ими Йолтыгыйнына.

Высунулся из полога заспанный Чачоль и крикнул:

— Амто! Олени не пропадали?

— Нет.

— Не охромели?

— Нет.

— Приносили жертву Чичиляну?

— Я принес жертву.

— А другие?

— Не знаю... Нет, наверное.

— Чем жертвовал?

— Жевательным табаком. Сам без табака остался, все лето мучился.

— Это хорошо.— Чачоль вытащил табакерку и наделил Йолтыгыйнына жевательным табаком.— Жертву принес Чичиляну, оленей сохранил. Отдохни. А тебе, Эвныто, завтра в стадо иди. Оленью тушу принесешь. Соскучился я по оленине.

С полудня на следующий день отправился Эвныто в стадо. Пришел к огневищу, а там никого нет. Начал чай кипятить и мясо варить. Подошел Мэнну.

— Амто! — поздоровались в один голос.

Подссли другис пастухи. Эвныто едва успевал отвечать на вопросы.

— Из домашних никто не помер?

— Нет.

— Все здоровы?

— Все.

— А что делал летом Чачоль? — спросил Йытэк.

— Все время только рыбими головами лакомился.

— Чтоб его расшибло! — сказал кто-то со злостью.

На следующий день подкочевали ближе к летовью. Эвныто убил оленя, взвалил на себя и пошел в стойбище.

— Теперь, Эвныто, на осеннюю пастьбу собирайся, — сказал Чачоль. — Как только снегом начнет припоращивать, сейчас же табун подгоняйте.

На осеннюю пастьбу стадо погнали к Кычгынчою. Ох и поработал Эвныто в стаде! Там, под Кычгынчоем, много поганых грибов, а для оленя это — первое лакомство. Все стадо разбегается в поисках за этими поганками. А за оленями, конечно, бежит Эвныто с арканом в руках. Соберет стадо, идет на огневище, а пока разжигает огонь, олени снова разбежались! И так все время...

Когда стадо подогнали к летовью, Чачоль вышел из яранги пьяный.

— Йик! Хорошо! Моих олешков пригнали!

10

Как только выпал снег, хозяин сказал:

— Теперь, пожалуй, надо медведей промышлять. Жирные они нынче.

Эвныто с Эвъявой отправились на медвежий промысел.

— Послушай, — сказал Эвъява. — А ведь здесь поблизости всегда дикие олени бывают. Давай пойдем поверху, может, встретим. Своих оленей вперед пустим, чтобы их дикие увидели. А нарты пока оставим.

Распрягли оленей, оставили нарты, пошли вперед, прячась за оленей. Вдруг передние рогачи стали принюхиваться и оборачиваться налево. Показались дикие олени.

— Ну, живо, давай подманивай, — шепнул Эвъява.

Дикие олени пошли навстречу. А Эвныто с Эвъявой тем временем прятались за своих оленей. И когда дикие олени подошли совсем близко, одновременно выстрелили. Два диких оленя упали в снег.

Освежевав туши и закусив почками, пастухи решили здесь же переночевать.

Утром Эвныто почувствовал себя плохо. Запрягли оленей и отправились домой. По дороге Эвныто стало хуже.

Дома его окурили огнем и позвали старуху шаманку, чтобы та заговорила болезнь. Эвныто лежал под пологом, а возле него сидела жена. Вошла шаманка, вся ее голова была увшана бусами. Жена Эвныто бросилась к ней, надела ей на голову еще одну повязку из бус.

— Угости ее мясом дикого оленя, — через силу сказал жене Эвныто.

Старуха шаманка подошла к больному, положила ему на голову сухую руку и сказала:

— Произнесу я над тобой очень сильное слово. Если на третий день не поправишься, значит, умрешь.

Пошаманила старуха над больным и крикнула:

— Серьги старинные нужны!

— Достань, — едва выговорил Эвныто.

Жена вышла, достала из грузовых саней самые красивые свои серьги и отдала старухе.

— Очень хорошо ты сделала, дитя мое, — сказала шаманка. — Он должен выздороветь на третий день... Вот слюна всеисцеляющая.

Шаманка плонула на больного и ушла.

Но Эвныто, наоборот, стало еще хуже. В бреду он ругал шаманку и Чачоля. Вот уже стемнело, а больной все еще не приходил в себя. Жена не ложилась спать и, не сводя глаз, смотрела на мужа.

Наступил третий день, а Эвныто не стало лучше. «Ой, худо будет, наверно,— тревожилась она.— Ведь старуха сказала, если на третий день не поправится...»

А Чачоль исходил злобой, не верил, что Эвныто болен. «Такой был здоровый и расторопный работник и вдруг заболел! Не может этого быть! Хитрит он!» — ругался хозяин.

Так прошло десять дней. Эвныто совсем высох. Но вот однажды утром он попросил жену:

— Свари-ка мне мясо!

Впервые за время болезни он хорошо поел.

Прошло еще несколько дней. Эвныто настолько поправился, что мог подняться, но по-прежнему был очень худ. А когда он вышел из яранги, то не узнал окрестности — так все побелело вокруг. Зима пришла!

А через несколько дней, когда Эвныто уже в стаде работал, Чачоль сказал:

— Завтра покочуем к самому Тигилю.

— Завтра к Тиг... — Эвныто даже не смог произнести это слово. Он ведь уже ездил с Чачолем в Тигиль и помнил угрозы Серебряных погон.

Всем караваном приковчевали к Тигилю. Эвныто все время шел впереди — дорогу прокладывал, хоть у него ломило ноги от недавней болезни. А Чачоль всю дорогу громко хвастался, как славно он выпьет в Тигиле. На одной из кочевок Эвныто поставил капкан. Наутро посмотрел — попался соболь. Чачоль торопился: ему не терпелось поскорее попасть в село, поэтому ни на одной остановке дважды не ночевали. Целый месяц провели они в пути. Наконец на расстоянии дневной поездки от Тигиля остановились, и Чачоль стал собираться в село. Перед тем как уйти, он сказал Эвныто:

— Таши-ка соболя, свезу в село. Ладно уж, привезу тебе водки...

Приехал Чачоль из Тигиля мрачный и водки не привез.

— Эвныто, не езди больше в село и другим пастухам скажи. Иначе худо там с тобой сделают.

«Может, хозяин заботится, чтобы Серебряные погоны со мной плохо не обошелся? — с удивлением подумал Эвныто и тут же отогнал эту мысль.— Разве станет Чачоль защищать нас. Поди, что-то случилось в Тигиле».

С того дня Чачоль странно переменился. Стал со всеми пастухами ласково разговаривать, жирных оленей давать. А Эвныто все думал: «Что же случилось в Тигиле? Надо бы в село съездить. Скажу: за медведем пошел, а сам — в село».

— Хозяин! Можно за медведем походить? — спросил он однажды Чачоля.

— С кем ты?

— Один я.

— Можно, — сказал Чачоль.

Взял оленей Эвныто и отправился будто на медвежью охоту. Недалеко от Тигиля привязал олешков и пешком отправился в село.

Еще издали он увидел развеивающийся на ясачной избе красный флаг. Ничего не понял Эвныто и даже немногого испугался. Пошел к другу.

— Здорово! — встретили его.

— Торова! — ответил Эвныто.

В семье друга все умели говорить по-чавчувенски¹.

— Что здесь творится? Почему на ясачной избе флаг из красной материи висит? — спросил Эвныто.

— Теперь мы по новому закону жить стали. Очень хороший закон. Мыбросили всех богачей, потому что

¹ Чавчувенский говор корякского языка.

скверные они,— рассказывал друг.— Вот попей чаю и ступай посмотри на новых начальников.

Эвныто решил сходить в торговую ярангу. Пришел, а там совсем другой торговец. Тут же стояли два человека в острых шапках, с подвешенными сбоку на ремне кожаными мешочками. Эвныто остановился в дверях. Он знал: в этих мешочках лежат маленькие ружья, из которых в людей стреляют. Ему стало страшно.

Двое острошапочников посмотрели на Эвныто и улыбнулись:

— Не бойся, мы такие же бедняки, как и ты.

Но вид маленьких мешочеков с ружьем все же внушал ему страх, и он рукой показал одному на этот мешочек. Острошапочник понял. Он достал из мешочка револьвер и вручил Эвныто посмотреть. Акко! Вот это да! Серебряные погоны этого никогда не делал! Да и станет ли враг отдавать оружие врагу?

— Акко! Хорошие ребята острошапочники! — весело сказал Эвныто.

Один из них взял у него револьвер, похлопал себя по плечам и потряс револьвером. Эвныто тотчас понял: всех кто носил погоны,— вот этим. Он захотел, взял снова револьвер у острошапочника, потряс им и сказал: «Чачоль».

Острошапочники заулыбались. Потом они крепко поддержали Эвныто за руку и вместе с ним вышли на улицу.

Много дум передумал Эвныто, пока ехал домой: «Неужели и правда богачи брошены? Наверно, правда, раз так хорошо со мной обошлись. Сказали: мы тоже бедняки. Про Чачоля худое думают. А в погонах начальников совсем нет».

Последнее больше всего обрадовало Эвныто.

— Чачоль мне теперь нипочем! — крикнул он в тундре и хлестнул оленей.— Скорее надо домой!

Когда стемнело, Эвныто подъехал к стойбищу.

— Убил медведя? — спросил Чачоль.

— Нет,— сказал Эвныто, отправляясь спать.

12

Чачоль узнал о поездке Эвныто в Тигиль по разговорам пастухов. Он крепко задумался, и впервые за всю жизнь у него возник страх перед десятью работниками.

— Мэлле, засвети жирники! Кылыхау, скажи женщинам, пусть вскипятят чайник, и позовите Эвныто...

— Вскипел чайник! Живо чашки ставь и мясо подавай!

— Эвныто, иди чай пить! — крикнула жена Чачоля.

— Не хочу я чаевать,— послышался голос Эвныто.

— Ну, уж почай. Ведь хозяин просит.

— На что мне,— продолжал отказываться Эвныто.

Жена Чачоля под полог вошла и пожаловалась:

— Хозяин! Что делать? Не слушается Эвныто.

— Скажи ему — пусть немедленно придет.

— Эвныто! Хозяин говорит, немедленно приходи.

— Ну что ж, иду.

— Амто, друг Эвныто! Как давеча за медведем? На лыжах ходил? — ласково встретил его Чачоль.

— Плоховато. Снег худой.

— А ну, закуси жирным хозяйственным мясом. Мы ведь раньше всегда выпивали вместе. Помнишь?

«Что-то не помню,— подумал Эвныто.— Вот какие богачи: вспоминают то, чего не было».

Вдвоем опорожнили большой чайник.

— Ох, вспотел я,— простонал Чачоль.— А ты как? Потеешь, хороший друг?

— Я не потею,— ответил Эвныто.— Это ведь не в стаде и не весна, когда бегаешь за оленями по целым дням. Вот когда потеешь.

— Э, не надо быть таким к хозяину,— заговорил ласковым голосом Чачоль.— Ты хороший друг, Эвныто. О чем хочу я тебя спросить: был давеча в Тигиле?

Голос Чачоля совсем смягчился. Эвныто не привык обманывать и тотчас сказал:

— Да, ездил в Тигиль.

— Видел ты там неправильных новых начальников?

— Как — неправильных? Для кого неправильные, а для кого и правильные. Новый закон они привезли, очень хороший закон.— Эвныто говорил все громче.

— Потихонечку говори. Нехорошо кричать,— сказал Чачоль с улыбкой.

— Пусть слышат меня! — вспылил Эвныто.— Обязательно все расскажу товарищам. Завтра же расскажу.

— Мы с тобой друзья,— продолжал ласково уговаривать хозяин.— Не будем ругаться. Иди спать.

Когда Эвныто ушел, Чачоль выругался:

— Вот дрянь этот Эвныто. Собака!

На следующее утро Чачоль собрал всех пастухов.

— Товарищи,— сказал он.— Вы слышали про новый закон от Эвныто? Он ничего не понял. Я лучше всех вас понимаю по-русски и знаю, что это за закон. Вы остаетесь моими работниками, но товарищами. Вы должны слушать только одного меня, и больше никого. Ходят всякие худые вести — не слушайте их. Я же теперь буду вашим начальником, и вы называйте меня председателем.

— Не слушайте Чачоля! — крикнул Эвныто.

— Отстань! Много ты понимаешь! — закричали пастухи и ушли вслед за хозяином в ярангу. А Эвныто остался один. «И верно,— горько подумал он.— Лучше я буду слушать хозяина. Все равно я по-русски почти ничего не понимаю. Как бы не было хуже».

И он смиленно вошел в ярангу.

Так Чачоль выбрал сам себя председателем. Каждый

месяц стал он собирать пастухов на собрание и говорить им о новом законе, при котором надо как следует слушаться его, председателя.

И пастухи слушались.

13

— Вийк! — свистнул Эвныто, вернувшись из табуна.— Совсем в горле высохло.

Напившись воды, он сказал:

— Волки оленя задрали.

— Как! Оленя? — крикнул из полога Чачоль.— Что же вы? Все время, наверно, спите в стаде? Теперь я вас жалеть не буду, как раньше. Теперь жизнь иная стала, по новому закону. Я вам покажу, как надо работать.

Эвныто подумал: «А ведь верно. Хорошо быть председателем. Выгодно. Что хочет, то и делает с нами».

— Отправляйся сейчас же обратно в стадо! — приказал Чачоль.

Эвныто лыжи надел и отправился в стадо. А утром, возвратившись в стойбище, увидел собак тигильца. «Видно, кто-то опять за мясом приехал», — подумал Эвныто и вошел в ярангу.

В яранге Чачоля сидел незнакомый тигилец. Увидев Эвныто, хозяин вместе с гостем забрался за полог, и там они повели непонятную беседу.

— Эй, стадо подгоните! — крикнул Чачоль.

И Эвныто вместе с другими пастухами отправился за стадом.

— Верно, что какое-то письмо привезли? — тихо спросил Эвныто.

— Не знаем, — ответили ему.

— Ну, а если и есть письмо, то какое нам дело до него? — сказал Йолтыгыйнын — старший пастух.

Когда подогнали стадо, Чачоль с тигильцем вышли и встали у входа в ярангу. Йолтыгыйнын подошел к хозяину и сказал:

— Пригнали стадо.

— Убейте двух оленей,— приказал Чачоль.

Убили двух оленей, погрузили на нарты тигильца, и тот уехал.

— Товарищи! — остановил Чачоль расходившихся пастухов.— Письмо из Тигиля действительно пришло. Мне, председателю, от новых начальников. Тигильский главный начальник пишет, чтобы вы ни с кем из чужих, кто появится, не разговаривали и не рассказывали никому о своей жизни. А если кто приедет, лучше вам уйти подальше в тундру, в стадо.

«Сомнительно что-то,— думал Эвныто, слушая письмо.— Что тогда проку в новом законе: по-прежнему богачи хорошо живут, жмут нас, бедняков. А ведь давеча острошапочники так хорошо со мной обошлись».

А Чачоль продолжал:

— Надо, чтобы работники с председателем жили дружно, по-старому, как предки наши жили. Наши отцы и деды жили словно братья, и вы тоже должны жить по-хорошему и быть послушны председателю.

Подумав немного, он добавил:

— Сегодня вы можете все спать дома. А мы с Йолтыгыйныном будем сторожить стадо. Уж больно трудно вам пришлось последнее время — отдохните.

Голос у Чачоля был мягким и ласковым, как у молодого.

— Ну-ка, женщины! Варите чай! Моя жена даст муки, а Мэлле испечет лепешки!

Женщины принялись кипятить чай и печь лепешки.

«Неужели обманули давешние острошапочники? — продолжал сомневаться Эвныто.— Такое письмо написа-

ли Чачолю! Да и сам хозяин все время меняется. Но ведь волк не может превратиться в оленя. Тут что-то не так».

— Что сидишь, насупился? — спросил его Чачоль.

— Так... голова болит,— ответил Эвныто и испуганно подумал: «Уж лучше быть послушным и ни о чем не думать, чтобы себя не погубить».

По дороге в стадо Чачоль сказал Йолтыгыйныну:

— Ты мне родня, так знай, что в том письме написано. Написано, чтобы хозяева большую часть стада раздали пастухам в уплату за работу. Очень скверное письмо. Если бы и раньше не догадался стать председателем, давно бы с нами худо обошлись. Правда, вот уже второй год благополучно кончается, как я стал председателем. С сегодняшнего дня нам надо осторожно жить, того и гляди, явятся эти новые начальники. Смотри, чтобы пастухи не собирались вместе, а то мало ли чего придумать могут.

14

Как-то утром жена разбудила Эвныто и тихо сказала:

— Эй, вставай. Сегодня в тундре что-то делается. Бедняки из стойбищ мимо нас в Тигиль едут.

Эвныто тотчас проснулся:

— Поди, что-то случилось в Тигиле...

И тут в стойбище раздался собачий лай. Эвныто вышел из яранги и увидел подъехавших на собаках тигильцев. Чачоль закричал своим, чтобы убирались в ярангу. Один из приезжих, по имени Ванек, был хорошо знаком пастухам и умел по-корякски разговаривать. Он соскочил с нарты и велел Чачолю собрать всех жителей стойбища. Хозяин неохотно повиновался. Всех рассадили, и Ванек начал говорить:

— Мы прибыли к вам, чтобы помочь наладить хоро-

шую жизнь по новому закону и чтобы бедняки...

— Перестаньте слушать! — закричал Чачоль. — Что это он себе позволяет? Разговоров хватит, у нас есть председатель...

Ванек подождал, пока Чачоль кончил говорить, и продолжал:

— По всей нашей земле создан новый, справедливый закон для бедных. Бедные, угнетенные люди сбросили богачей в России. Мы тоже в своем поселке сбросили богачей и царских начальников.

— Перестаньте слушать новозаконников! — снова крикнул Чачоль. — Они хотят, чтобы сюда пришли острошапочники, перестреляли нас и отобрали оленей...

— Зачем морочишь людям голову?! — крикнул со своего места Эвныто. — Не станут острошапочники убивать нас. Они хорошие люди, я с ними говорил. Они мне показывали и давали держать в руках маленькое ружьё. Разве враг своему врагу даст оружие? Разве когда-нибудь Серебряные погоны давал коряку свое оружие? Нет! Он только и знал, что грозил им.

— Верно! Очень верно! — закричали пастухи.

Ванек заговорил снова:

— Правильно сказал товарищ. Острошапочники такие же бедняки, как и вы, и они будут защищать вас. Теперь мы закончим говорить и выберем председателя.

— Председатель у нас есть! — крикнул Чачоль.

— Это правда, — ответил за всех Йолтыгыйнын.

— А кто его выбирал?

— Кажется, никто. Сам себя выбрал, — сказал Эвъява.

— Надо выбрать председателя из бедняков. Теперь богачей не надо! Кого хотите председателем?

— Эвныто! — закричали работники.

Ванек достал бумагу и начал писать.

— Теперь ты избран председателем, — сказал он Эвныто. — Через три дня приезжай в Тигиль. Там ты будешь три месяца учиться, как новую жизнь строить.

15

Эвныто собирался ехать в Тигиль на учебу. Пастухи беспокоились.

— Уморит нас голодом Чачоль.

— Не бойтесь, — говорил им Эвныто. — Берите олений, сколько хотите. Теперь новый закон.

В полдень Эвныто вместе с Эвъявой приехали в Тигиль. В селе, откуда ни возьмись, подошел к ним Каннылю, тоже кочевник — работник богача Тлевыка.

— Амто! Учиться приехал?

— Да.

— Тогда пойдем к новому начальнику.

Когда вошли, начальник встал из-за стола и пошел навстречу. Взял он Эвныто за руку и начал говорить потихоньку, не быстро. Но Эвныто ничего не понимал. Тут Каннылю пришел на помощь.

— Начальник говорит: идите сейчас с товарищами кушать, а потом спать. Ученье начнется завтра.

В столовой сидело очень много людей. Их головы, как кочки в тундре, — конца им не видать. После еды пошли в спальню ярангу. Акко! Эвныто ничего подобного еще не видел: люди спали на подставках. Эвныто тоже постелили на подставке. Долго не мог он уснуть, все боялся свалиться. И все же ночью свалился с грохотом и всех разбудил.

Утром почесавши. Акк! Хлеба и сахара много! Эвныто увлекся чаепитием и остался один. Вдруг что-то зазвенело. Эвныто оглянулся: Каннылю рядом нет, и все зачем-то побежали к большому дому.

Эвныто вместе со всеми вошел в большой дом. Народу много. На столах разложены куски бумаги. Уселись все, и вошел начальник, и с ним Ванек.

Вот что сказал начальник:

— Вы пришли на учение, чтобы в ваших стойбищах построить новую жизнь. Раньше с вами очень плохо обращались богачи. Словно собаки, вы беспрерывно работали в стадах, не отдыхали ни одного дня...

16

Пролетело три месяца. Эвныто за это время научился немного писать и говорить по-русски. Но самое главное: он теперь знал, как нужно строить новую жизнь и что делать с Чачолем. Об этом он и пел, подъезжая к своему стойбищу.

— Теперь бедняки сами хозяева жизни,— пел он.— Мы скажем Чачолю, чтобы заплатил нам за все долгие годы тяжкого труда. Мы отберем у него наших оленей — они все выращены нами. Эвныто больше не слуга богача, он хозяин жизни и не боится богачей. Он будет помогать людям с красными звездами устанавливать новый справедливый закон.

И чем ярче разгорался далекий огонек родного стойбища, тем громче пел Эвныто.

